

Emilia Bałałykina

Польско-русский диалог по проблемам балто-славянских языковых отношений

Acta Polono-Ruthenica 5, 285-296

2000

Artykuł został zdigitalizowany i opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

IV. Z DZIEDZICTWA KAZAŃSKIEJ SZKOŁY LINGWISTYCZNEJ

Emilia Bałałykina
Katedra Języka Rosyjskiego
Kazański Państwowy Uniwersytet

Польско-русский диалог по проблемам балто-славянских языковых отношений

Вопросы балто-славянских языковых связей относятся к числу наиболее спорных и важных в современной балтистике и славистике. Ещё в XIX веке этой проблемы практически не существовало, поскольку разработанная известным немецким лингвистом А. Шлейхером теория „родословного дерева” и – соответственно – балто-славянского праязыка была принята практически всеми языковедами. Правда, его ученик – И. Шмидт во второй половине того же века уже подверг серьезной критике теорию А. Шлейхера и заменил её другой – теорией волн, смысл которой заключался в том, что балтийские и славянские языки были в одинаковой степени близки по происхождению как германским, так и иранским, а поскольку между Европой и Азией нет четких географических границ, нет подобных границ и между языками жителей этих частей света. Вот почему в балтийских и славянских языках можно обнаружить сходство как с европейскими, так и с некоторыми азиатскими языками и их диалектами. Изменения, некогда появившиеся в одном языке, по мнению Шмидта, подобно волнам, постепенно переходили в другой (иногда через посредство других близкорасположенных языков и диалектов), а потому говорить о некогда существовавшей единой балто-славянской языковой общности нельзя.

В конце прошлого века появилась и знаменитая статья известного представителя младограмматизма Карла Бругмана, в которой

автор довольно скептически отнесся к теории праязыка, но в то же время выдвинул семь пунктов, доказывающих ближайшее родство между балтийскими и славянскими языками и отличающих их от других индоевропейских языков. Эти пункты касаются изменения и.е. сонантов, упрощения интервокальных геминатов, образования местоименных прилагательных, судьбы указательных местоимений и т.д.¹

В начале XX века теория балто-славянского праязыка подверглась ещё более серьезной критике. Одним из первых и достаточно резко высказался по этому поводу И. А. Бодуэн де Куртэнэ. По его мнению, аргументов „за” литво-славянскую эпоху не больше и чего хорошего – даже меньше, чем „против”, и поэтому теорию праязыка можно считать научной фикцией.² Правда, активно занимаясь со своими учениками литовским языком и признавая его достоинства и преимущества перед мертвым санскритом как языка живого и самого архаичного из всех индоевропейских языков, используя данные литовского языка в своих исследованиях сопоставительного плана, он не ставил перед собой специальной теоретической задачи выяснения возможности существования некогда балто-славянского праязыка и не приводил в своих работах доказательств „за” или „против” этого положения.

Проблема балто-славянских языковых отношений стала более острой после появления в 1908 году книги А. Мейе *Индоевропейские диалекты*, в которой он подверг тщательному анализу основные инновации балтийских и славянских языков (семь пунктов К. Бругмана) и аргументированно пересмотрел теорию о балто-славянском праязыке. В результате своих изысканий А. Мейе пришел к выводу, что развитие балтийских и славянских языков шло параллельно. Только в связи с этим параллелизмом и появились идентичные формы в указанных языках, но, однако, этих инноваций ещё недостаточно для утверждения о наличии общего периода в развитии славянских и балтийских языков или их происхождения из одного праязыка. Сходный характер этих языков, по мнению

¹ См.: *Baltų ir slavų kalbų ryšiai*, [w:] *Lietuvių kalbotyros klausimai*, X, Vilnius: „Mintis” 1968, с. 12-13. Здесь и далее „и.е.” значит индоевропейский (примечание редактора).

² И. А. Бодуэн де Куртэнэ, *Лингвистические заметки и афоризмы*, ЖМНП, 346, 1903, с. 330.

А. Мейе, обусловлен тем, что балтийские и славянские языки произошли из идентичных диалектов и.е.языковой общности, их системы не претерпели никаких радикальных изменений, и что особенно важно, балты и славяне всё время жили в соседних географических районах в сходных условиях цивилизации. Теория Мейе получила в лингвистике название теории „параллельного развития”.

И теория о балто-славянском праязыке, и теория параллельного развития встретили возражение со стороны известного польского лингвиста Я. Розвадовского, который в начале века выдвинул свою концепцию развития исследуемых языков. Древнейшие балто-славянские языковые отношения Я. Розвадовский представил в виде достаточно сложной схемы, выделив три основных исторических периода: 1. Период общности (III тысячелетие до н.э.); 2. Период прекратившихся контактов и независимого развития (II и I тысячелетие до н.э.); 3. Период нового сближения и соседских отношений (приблизительно с начала нашей эры).³ Теория Я. Розвадовского вызывает серьезные сомнения. Трудно представить себе, чтобы в течение двух или полутора тысячелетий славянские и балтийские народы (и соответственно – их языки) не испытали никакого взаимовлияния и что у них отсутствовали какие бы то ни было контакты, завязавшиеся, по мнению Я. Розвадовского, значительно позже – лишь где-то в начале нашей эры. И топонимика, и материальная культура, и исторические источники свидетельствуют об обратном: балты и славяне с глубоких времен были ближайшими соседями, и потому их связи не могли не отразиться на языках. Кроме того, балтийские диалекты могли быть в определенный период даже ближе германским, чем славянским, что также доказано некоторыми исследователями. Я. Розвадовский по сути дела защищал теорию праязыка, но был склонен её модифицировать и направить решение этой проблемы в глубокое прошлое, поскольку для защиты положения о праязыке явно нехватало аргументов.

Таким образом, дискуссия по балто-славянским языковым отношениям, завязавшаяся на рубеже веков, показала, что это не такая простая и легко решаемая проблема (как это представлялось лингвистам в XIX веке), что она нуждается в дальнейшем исследовании

³ J. Rozwadowski, *O pierwotnym stosunku wzajemnym języków bałtyckich i słowiańskich*, RSI, 1912, nr 5, с. 1-36.

самих языков и дополнительной аргументации.

В начале века появились работы известного литовского лингвиста К. Буги, который не участвовал в приведенной дискуссии, но в своих работах так или иначе касался этого вопроса. В 1910 году он написал статью для польской энциклопедии „Litewski język” (*Wielka encyklopedia powszechna ilustrowana*, seria 1, s. 43-44, Warszawa, 1910, с. 624), в которой теорию балто-славянского единства назвал догмой, появившейся по двум основным причинам: 1. Балтийские и славянские народы - это ближайшие соседи; 2. В балтийские языках такое огромное количество славянских заимствований, что лингвисты с трудом отличают их от собственно литовских слов. В доказательство своего положения К. Буга делает интересный вывод: если бы балтийские народы жили не у Балтийского моря, а где-то подальше от славян, например, в Иране или на Пиренейском полуострове, никому и в голову бы не пришло искать их близкое родство со славянами. Буга был явным противником теории праязыка; в своих исследованиях он утверждал, что сопоставительная лингвистика не располагает достаточным количеством фактов, доказывающих генетическое родство славянских и балтийских народов и возможность существования в далеком прошлом их общего праязыка.

Известные русские историки языка А. Шахматов и А. Соболевский в своих работах, появившихся в это же время, также высказали свою точку зрения по указанной проблеме. Они не сомневались в балто-славянском языковом единстве. А. Шахматов в *Очерке древнейшего периода истории русского языка*, восстанавливая территорию славянской прародины, писал: „Едва ли может подлежать сомнению особая близость между собою славянского и балтийского праязыка. Близость эта не может быть случайною и не может зависеть только от общего их происхождения из индоевропейского праязыка; и в балтийских, и в славянских языках замечается ряд общих отклонений от исконных отношений, и эти общие отклонения свидетельствуют об общей их жизни в такую эпоху, когда они уже отделились от остальных индоевропейских языков. Следовательно, приходится допустить происхождение Славян и Балтийцев от одного общего родоначальника, по языку уже отличного от племени, говорившего индоевропейским праязыком: родоначальником славянских и балтийских языков, который можно

назвать балто-славянским праязыком, был язык того индоевропейского племени, которое, выделившись из индоевропейской семьи, только впоследствии разбилось на две ветви: славянскую и балтийскую”⁴.

Оригинальную гипотезу относительно происхождения славянского праязыка в его связи с прабалтийским высказал А. Н. Соболевский. Изучая проблемы общеславянского языка, Соболевский особое внимание уделил фонетическим рефлексам и.е. *s в разных позициях в слове. После звуков *r, k, i, u*, как известно, и.е. *s* превратился в *ch*, во всех остальных случаях он сохранился. На этом основании Соболевский подразделяет общеславянский язык на два „языка”: „язык-*s*” и „язык-*ch*”. Первый из них чрезвычайно близок балтийскому, поскольку в балтийских языках сохранился и.е. *s* (или превратился в *-š-* после *-k-* и *-r-*). Отсюда можно сделать вывод, что „язык-*s*” восходит к общему балто-славянскому или литовско-славянскому праязыку. Что же касается „языка *-ch*”, то он восходит к скифским диалектам и относится по происхождению к иранским языкам. А.Соболевский не сомневался в существовании общего языка, на котором говорили некогда балты и славяне и который функционировал вплоть до начала нашей эры. Правда, откуда появились на балтийском побережье предки носителей *s*-языка (то есть балто-славянского), Соболевский ответить не мог. Что же касается второго, „*ch*-языка”, то его носители – старые жители этого региона, давшие наименование и реке Неман.⁵

И теория А. Шахматова, и теория А. Соболевского были подвергнуты резкой критике со стороны других исследователей, поскольку не хватало языковой аргументации, доказательств в пользу существования балто-славянского праязыка. Вот почему лингвисты обратились к детальному изучению самих языков в поисках новых фактов, подтверждающих ту или иную теорию.

В сороковые – пятидесятые годы XX века продолжалось активное обсуждение балто-славянской проблемы, и здесь особого внимания заслуживает выход в свет двух работ известных польских лингвистов: Я. Сафаревича и Т. Лер-Сплавинского, посвященных

⁴ А. А. Шахматов, *Очерк древнейшего периода истории русского языка*, [в:] *Энциклопедия славянской филологии*, вып. 2, Петроград 1915, с. IX.

⁵ А. Н.Соболевский. *Русско-скифские этюды*, ИОРЯС, 1924, пг 27, с. 332 и далее.

этой теме.⁶ Я. Сафаревич в своей статье привел факты, свидетельствующие об очень древних отношениях между славянскими и балтийскими языками. К их числу он отнес образование форм настоящего времени атематических глаголов типа с.сл. *дамь* и лит. *dūomi*, которые явились, видимо, результатом наследия какой-то общности, существовавшей как своеобразное продолжение индоевропейского языкового союза. С другой стороны, существуют и очень древние различия между этими языками, примером которых может служить образование форм глаголов с корневым элементом *-do-* типа с.сл. *idq* и лит. *eimi*. Это обстоятельство свидетельствует о кратковременности данной эпохи. Позже Сафаревич ещё более критично отнесся к возможности существования балто-славянского единства. Он полагал, что такие общеизвестные факты удивительного сходства в системах исследуемых языков, как формирование местоименных прилагательных с помощью и.е. указательно-относительного местоимения типа *-*jo*, появились в этих языках независимо друг от друга. Поэтому можно предположить, что славянские и балтийские языки восходят к одному и.е. диалекту и если существовала некогда балто-славянская эпоха, то очень недолго, где-то в первой половине второго тысячелетия до нашей эры.⁷

Несколько иначе трактовал проблему древнейших балто-славянских языковых отношений другой известный польский лингвист Т. Лер-Сплавинский. В своей известной книге *О происхождении и прародине славян (O pochodzeniu i praojczyźnie Słowian)* он выразил свою основную концепцию следующим образом: „...балтийские и славянские языки когда-то пережили эпоху общего развития, которая продолжалась даже после того, как связи с другими и.е. диалектными группами уже были утрачены”.⁸ Т. Лер-Сплавинский придерживался того принципа, что инновации гораздо точнее указывают на общее развитие языков, чем праиндоевропейские архаизмы, которые могли сохраниться в этих языках самостоятельно. Для подтверждения своей теории Лер-Сплавинский ука-

⁶ J. Safarewicz, *Przyczynki do zagadnienia wspólnoty balto-słowiańskiej*, [w:] „Sprawozdania z czynności i posiedzeń Polskiej Akademii Umiejętności”, 46, 1946, с. 199-202; Т. Lehr-Splawinski, *O pochodzeniu i praojczyźnie Słowian*, Poznań 1946.

⁷ J. Safarewicz, *Balto-słowiańskie stosunki językowe*, [w:] *Słownik starożytności słowiańskich*, I, 1 (A-B), Wrocław 1961, с. 80.

⁸ Т. Lehr-Splawinski, *op. cit.*, с. 23.

зывает на несколько общих инновационных изменений в области фонетики, морфологии и лексики сопоставляемых языков. Но самый главный аргумент в пользу родства, по его мнению, это общие и очень древние слова, которых такое огромное количество, что можно составить специальный этимологический балто-славянский словарь (подобный словарю Р. Траутмана).

По мнению Т. Лера-Сплавинского, старые различия в области морфологии и словаря не подтверждают тезиса о возможном балто-славянском единстве. Во-первых, эти различия указывают на то, что и.е. диалекты, на которых говорили предки балтов и славян во времена общности, были не очень близки; их отличали грамматические и словарные особенности. Однако это отнюдь не помешало сформироваться общим тенденциям в развитии, действовавшим и после распада и.е. языковой общности и продолжавшим своё функционирование в сблизившихся диалектных группах уже во время общей эпохи. Во-вторых, древние балто-славянские различия указывают на то, что общая балто-славянская эпоха (*doba wspólności językowej bałto-słowiańskiej*) существовала в очень далёком прошлом. На смену этой эпохе пришел долгий период независимого развития прабалтийских и праславянских диалектов. Именно в это время появились различия в формирующейся грамматической системе и лексическом составе, связанные с ослабевшими контактами между указанными группами языков. Через некоторое время межъязыковые отношения снова оживились; их отголоском стали языковые заимствования из славянского в балтийский – и наоборот.

В 1958 году Т. Лер-Сплавинский публикует статью *Podstawy indoeuropejskie wspólnoty językowej bałto-słowiańskiej* (в журнале „Z polskich studiów slawistycznych”, Warszawa 1958, с. 125-136), в которой он пробует охарактеризовать те и.е. диалекты, из которых возникли балтийские и славянские языки. По его мнению, эти диалекты не представляли собой какого-то компактного единства, а состояли из нескольких близких по происхождению говоров, имеющих достаточно выразительные различия. Среди этих различий можно выделить, по мнению Лер-Сплавинского, такие, которые: 1. известны только балтийским языкам и неизвестны славянским и 2. известны только славянским и неизвестны балтийским.

В первую группу автор включил: а) различия между и.е. дол-

гими гласными *o* и *a*, сохранившиеся в балтийских и отсутствующие в славянских (здесь *o* и *a* долгие совпали в одном звуке); б) и.е. сочетание согласных *sr*, которое сохранилось в балтийских и преобразовалось в славянских (ср. лит. *sraujà* – русск. *струя*); в) различное образование числительного *первый* (ср. лит. *pirmas* – русск. *первый*); г) различное оформление количественных числительных после десяти: лит. *vieniólika*, *dvylika* и т.д. – русск. *одинадцать*, *двенадцать* и т.д.

Ко второй группе факторов, характерных лишь для славянских языков и неизвестных балтийским, Лер-Сплавинский отнес следующие: а) изменение и.е. *s* после *i*, *r*, *k*, *u* вь *ch* в славянских и – в *š* только после *r* и *k* в балтийских (лит. *mūsos*, *ausis* – русск. *муха*, *ухо*, но *viršūs* – сл. *вьрхъ*); б) *nomina agentis* с суффиксом *-tel̃*; в) суффикс абстрактных существительных *-ost̃*; г) отглагольные прилагательные с суффиксом *-l̃* (сл. *byl̃*); д) суффиксальное наращение *-es-* у древних существительных типа *ухо-ушесе*, *око-очеса* и т.д.

Таким образом, по мнению Т. Лер-Сплавинского, балтийские и славянские языки восходят к близким, но не идентичным и.е. диалектам; эти языки сблизились гораздо позже распада и.е. языкового союза.

В это же время в дискуссию по проблемам балто-славянских языковых отношений включается другой известный польский лингвист – Ян Отрембский, который опубликовал в 50-ые годы ряд⁹ статей, специально посвященных проблемам балто-славянского языкового единства. Я. Отрембский полагал, что славянские и балтийские языки возникли на базе одной группы и.е. диалектов, эту группу можно считать единством, возникшим на базе и.е. языкового союза. Доказательством тому служит балто-славянский словарь, который содержит так много сходных слов, что балты и славяне, без сомнения, понимали друг друга не только во время указанной общей эпохи, но и после её распада. И в тех, и в других языках Я. Отрембский видит очень много общих процессов, сходных тенденций в их развитии. Это и судьба дифтонгов типа **-oi* или **ei*, превратившихся в чистые гласные типа *e* долгий или *-i-*; это и диссимилятивное изменение *-it-* в *-st-*, это и система склонения имен, связанная с основообразующими гласными и т.д. Свои соображения

⁹ См. журнал „Вопросы языкознания”, 1954, № 5-6.

по поводу удивительной близости грамматических систем и звукового строя сопоставляемых языков Я. Отрембский высказал в своем уникальном труде *Gramatyka języka litewskiego*¹⁰, представляющего собой, по сути, первую историческую грамматику литовского языка с подробным текстовым комментированием и привлечением общеславянского и разнославянского сопоставительного языкового материала. Правда, противники Я. Отрембского постоянно упрекали его в том, что он нарушал хронологию отдельных языковых процессов и изменения, относящиеся к разным временным пластам, сопоставлял на одной временной оси. Однако уникальность и основательность его исследований никогда не вызывала ни малейших сомнений.

Особый подход к изучению балто-славянских языковых отношений характеризует работы другого известного польского слависта – Ежи Куриловича. В цикле своих статей, среди которых можно выделить *О балто-славянском языковом единстве* (ВСЯ. 3, 1958, с. 15-49), Е. Курилович детально анализирует интонационные особенности исследуемых языков, которые он считает их наиболее важной отличительной чертой, причем интонация, по его мнению, появилась у этих языков независимо от их происхождения из и.е. языкового союза. Е. Курилович, опираясь на просодические принципы, так характеризовал основные этапы в истории балтийских и славянских: 1. балто-славянская эпоха (до появления интонации); 2. эпоха литовского языка (с начала действия закона де Соссюра); 3. общеславянская эпоха (со времени ослабления еров и развития нового акута).

Как своеобразный отклик на работы польских лингвистов появляются исследования советских славяноведов и прежде всего таких, как проф. С. Бернштейн, который в своем *Очерке сравнительной грамматики славянских языков* (Москва 1961) поднял вопрос о несостоятельности теории балто-славянского языкового единства. По его мнению, признанию подобной теории препятствует ряд факторов: а) многие древние фонетические процессы были различными в этих языках, Так, и **o* и **a* в балтийских языках превратились в *-a-*, а славянских – в *o* (ср. лит. *avis, dalià*, русск. *овца, доля*); б) сторонники балто-славянского праязыка не могут его реконструи-

¹⁰ J. Otrębski, *Gramatyka języka litewskiego*, t. 1-3, Warszawa, PWN 1965.

ровать; в) наличие балто-славянского праязыка не подтверждается археологическими данными и т.д. По мнению С. Бернштейна, балтийские и славянские языки исключительно близки не в силу общности происхождения из одного праязыка, а в результате длительных языковых контактов, которые он называет „балто-славянской языковой сообщностью”.¹¹

Исследование балто-славянских языковых отношений особенно активизировалось в 50–60-ые годы в связи с организацией и проведением Международных съездов славистов. На IV-ом съезде славистов в Москве (1958 г.) каждому участнику конгресса был задан вопрос: „Существовало ли балто-славянское языковое и этническое единство и как следует его понимать?” Ответы на подобные вопросы были опубликованы в специальном издании.¹²

В докладе на съезде известный славист, специалист по акцентологии, Л. Булаховский (1888–1961) подчеркнул, что балтийская система ударения до сих пор не утратила своей морфологической функции, чего нельзя сказать о славянских языках. Отличия славянских языков от балтийских является такими очевидными, что не требуют никаких доказательств. Это „закрытые языковые группы”, и между ними нет даже переходных границ. Можно предположить, что существовавшие долгое время связи между славянскими и балтийскими языками были в своё время окончательно прерваны. Однако это не помешало указанным языкам не только утратить черты некогда существовавшей близости, но и даже приобрести какие-то общие особенности. По мнению Л. А. Булаховского, сходство исследуемых языков возникло тогда, когда эти языки принадлежали к близким и.е. диалектам, представлявшим собой своеобразное языковое единство.

Одним из самых интересных и важных в методическом отношении был доклад В. Иванова и В. Топорова, которые подняли на съезде вопрос о балто-славянских языковых отношениях в совершенно ином плане. Они отметили, что древнейшие модели славянских и балтийских языков во многом совпадают и отличаются от индоевропейской. Кроме того, славянские и балтийские особен-

¹¹ См.: С. Бернштейн, *Балто-славянская языковая сообщность*, СФ, I, 1958, с. 45-68.

¹² *Сборник ответов и вопросов по языкознанию (К IV Международному съезду славистов)*, Москва 1958, с. 162-166.

ности нельзя представлять в одной плоскости: славянская языковая модель сформировалась позже балтийской и является результатом структурных изменений балтийских языков. Таким образом, славянский праязык сформировался на базе периферийных и.е. диалектов балтийского типа.

После IV съезда славистов проблема балто-славянских языковых отношений несколько утихла. Однако статьи или отдельные исследования, так или иначе касающиеся этой темы, не перестают появляться. Так, в частности, Ф. П. Филин в своей известной монографии *Образование языка восточных славян* (Москва-Ленинград 1962) категорически выступает против теории балто-славянского языкового единства. Однако Ф. П. Филин отрицает и другую точку зрения, согласно которой балтийские и славянские языки возникли на базе и.е. языкового единства независимо друг от друга и близких отношений между ними никогда не было. По его мнению, ещё в рамках и.е. языковой общности сформировалась группа диалектов, носители которых имели долговременные и близкие контакты. В этой группе и.е. диалектов были „прародители” протобалтов и протославов. Принадлежа к и.е. языковому союзу, отдельные протославянские и протобалтийские языки, системы которых не были абсолютно идентичными, но имели много сходных моментов, сохранили это сходство вплоть до наших дней. Отсюда Ф. Филин делает вывод, что балтийские и славянские языковые контакты с небольшими перерывами существовали в течение очень длительного времени, откуда и появившееся сходство этих языков.

В лингвистике и славистике продолжается изучение отдельных элементов грамматической и фонетической систем балтийских и славянских языков. Этому посвящена монография В. Иллича-Свитыча *Именная акцентуация в балтийском и славянском* (Судьба акцентуационных парадигм), Москва 1963, в которой исследуется балто-славянская именная акцентуация, которая также обнаруживает огромное количество сходных моментов.

Современным ареальным отношениям тех же языков посвящена монография А. Непокупного *Ареальные аспекты балто-славянских языковых отношений* (Киев 1964). В этой книге изучаются семантические и синтаксические диалектные особенности балтийских и славянских языков, однако автор приходит к выводу, что обнаруженное сходство в этой области недостаточно для кардинальных выводов

относительно общности происхождения сопоставляемых языков.

Необходимо отметить и монографию Георгия Шевелёва *A Pre-history of slavic* (Heidelberg 1964), в которой автор указывает, что славянские и балтийские языки имеют как ряд общих, так и различных моментов. На основании этих фактов автор предлагает условную хронологию развития славянских и балтийских языков, определяет период существования балто-славянского языкового союза.

Таким образом, научный диалог по важнейшей проблеме, связанной с происхождением славянских и балтийских языков, продолжается, и особое место в нём занимают польские и русские лингвисты. От глобальных проблем, связанных с изучением общего характера отношений между указанными языками, лингвисты постепенно переходят в область конкретных и важных исследований, связанных с подробным описанием отдельных элементов языковых систем.